

УДК. 159.922.4

АВАНЕСОВА Галина Алексеевна — д.филол.н., профессор кафедры истории, философии, культурологии Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова (109004, Россия, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, 16/18; gal-09@list.ru)

ИВАНОВА Елена Викторовна — к.филол.н., доцент, докторант Национального института бизнеса (111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5/1; quttatim@mail.ru)

НАЦИОГЕНЕЗ РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РАЗНЫХ ТИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Аннотация: В статье путем сравнительного анализа рассмотрены особенности нациогенеза русских и украинцев в советский период, затем в РФ и современной Украине. Сравняется также участие этих этносов в развитии советской государственности, а позже – государственности российской и украинской. Русский этногенез показал высокий жизненный потенциал и адаптивность русского национального характера к внутригосударственным и международным переменам. В то же время современное украинское государство в процессе самостоятельного существования испытывает значительные трудности. Они обусловлены тем, что украинцы сложились как этнос, но не обрели черт политической нации. Рассмотрены факторы, ставящие под угрозу существование украинского государства и формирование политической нации в Украине.

Ключевые слова: нациогенез украинцев и русских в СССР, Россия, суверенная Украина, субэтническая мозаика на Украине, радикальный украинский национализм, Новороссия, русско-православный национализм в юго-восточных регионах Украины

Нациогенез русских и украинцев в советский период. В первой четверти XX в. в итоге трех революций, мировой, затем Гражданской войн русские люди оказались в СССР наиболее расколотыми (в частности, из-за вынужденной миграции за рубеж), лишенными общих духовных ориентиров, преследуемыми новой властью. Все это глубоко их травмировало, разводило по политическим и социальным позициям. И только опасность завоевания страны нацистской Германией заставила советское руководство снизить накал антирусской политики и заняться восстановлением патриотических ценностей русского самосознания. После войны авторитет русского народа был во многом восстановлен его ведущей ролью в победе.

Дальнейшее развитие советской государственности, с одной стороны, продолжало тормозить русский нациогенез, с другой – парадоксальным образом позволило реализовать русским людям свои силы и творческий потенциал, которые не были задействованы в имперской период. Не имея возможности открыто осмыслить проблемы своего нацистроительства в СССР, русские тем не менее спонтанно реализовали его на практике, и не столько в искаженных, сколько в политически возможных формах державной государственности, а также через новые социальные отношения. Они искренне верили в то, что необходимо строить более справедливое общество и лучшую жизнь для всех народов страны. Охотно, без излишней навязчивости, но и без социальной дистанции они продолжали сотрудничать с разными этносами, работая с полной отдачей в промышленности, сельском хозяйстве, развивая военное дело, добиваясь результатов в науке, образовании, сфере культуры [Социальная и культурная ... 1998]. Практика «развитого социализма», прежде всего, формировалась на энергии русских людей, которые вовлекали в новые начинания все остальные народы. При этом в стране сохранялись псевдоимперская основа и державный опыт отечественной государственности. Цивилизационная сущность российской культуры и ведущие ценности русского сознания позволяли во многом нейтрализовать идейную инертность и общественный формализм советского марксизма.

Украинский нациогенез советского периода также демонстрировал как явные

успехи, так и опасные издержки. Новая власть наделила Украину особым республиканским статусом. Например, в советский период только Украинская и Белорусская республики с 1944 по 1946 год формально имели ведущие атрибуты государственности: свои республиканские вооруженные силы, задекларированную полную свободу во внешней политике (с правом заключать союзы и международные договоры). Они также имели свои МИДы, а при подписании Устава ООН они имели правовые основания считаться государствами. На учредительной конференции ООН в Сан-Франциско в 1945 г. УССР и БССР были введены в состав этой международной организации как полноправные члены — каждая с правом голоса. Территория Украинской ССР несколько раз увеличивалась, что вело и к заметному росту численности ее населения. Вместе с тем субэтническая мозаика советской Украины стала приобретать более проблемный характер, нежели в империи, когда в Украине преобладал центральноукраинский психоментальный тип (хотя и с двухполюсным отношением к государственности).

Новая власть присоединила к аграрной Украине развитые регионы России (Харьковскую, Донецкую, Луганскую, Николаевскую, Запорожскую, Одесскую и другие области), надеясь добиться в республике более стремительной экономической динамики. Эти регионы стали российскими во времена Екатерины II, поначалу войдя в состав русских губерний. Их населяли жители, которые по психоментальным характеристикам были близки к южнорусскому подтипу, а также к донским казакам. В середине 50-х гг. к УССР присоединяется также Крым, состав населения которого состоял из жителей центральноевропейских районов страны. Все это усиливало в украинской среде чисто русское начало. В советское время на всех этих землях республики позитивные взаимодействия украинцев и русских продолжали укрепляться в более широком диапазоне государственного строительства и в новых для Украины видах деятельности — властно-политических отношениях, военно-промышленном комплексе, автомобильной промышленности, авиастроении, космической отрасли, сфере культуры и др.

Накануне Великой Отечественной войны в состав республики входят жители закарпатских и прикарпатских территорий (Львовская, Ивано-Франковская обл. и др.), которые, оставаясь потомками славян Киевской Руси, после монгольского разгрома проживали в западных государствах. Таким образом, среди населения советской Украины появляется западноукраинский психоментальный подтип со своим характером, с иной моралью и картиной мира, во многом с негативным отношением к русским и неприятием целей державного полиэтнического государства. Ныне эту часть граждан Украины нередко всецело связывают с отрицательным отношением к России и русским. Но эта позиция верна наполовину — эта часть Украины состоит из весьма разнородных территориально-этнических сообществ (галичане, русины и др.), которые нельзя назвать единым целым. Но у них есть и объединяющие черты. Население этих территорий было представлено в основном жителями местечек и сел, у которых на первом месте оставались интересы семьи, личного хозяйства, в целом был более сниженным уровень образования (хуторское сознание). Каждая из западных этнолокальных групп отличается тесной групповой сплоченностью. Жители западных районов считают себя прежде всего «местными», а уже потом украинцами.

Таким образом, в советской Украине вместо двухполюсного украинского самосознания стали исподволь развиваться иные психоментальные полюса. Обозначим их через разные позиции по отношению к государству: а) основная часть украинцев поддерживали советскую государственность, но после ее распада их ориентиры в государственных вопросах утратили четкость; б) часть украинцев, проживающих в западных регионах, вынашивали стремление строить собственную государственность с ориентацией на тесные связи с Западом; после распада СССР их позиции стали лидировать; в) русские люди активно развивали советское государство, а после его распада остались убежденными сторонниками отечественной государственности державного типа.

Сверх этого, на Украине были и другие, не столь значимые по числу носителей представления о государственном развитии, связанные с неславянскими сообще-

ствами (крымскими татарами, венграми, евреями и др.). Нельзя также забывать о насаждении со стороны официальной власти нежизненной модели «советского украинца — строителя социализма». Так, в 1920-х гг. новая власть осуществила в республике политику «массовой украинизации». Предлагаем читателям самим представить, как и с каким результатом завершилась тогда эта кампания. Все указанные выше векторы понимания этнического и государственного развития преобладали в латентном виде (кроме официального). Но население республики сплунду ощущало субэтнический дискомфорт, в рамках которого высокая степень неустойчивости исходила от представителей центральноукраинского подтипа.

Роль политического и социокультурного балансира в советский период выполнялась русскими. На юго-востоке республики они представляли доминирующую социально-хозяйственную и культурную силу. Если говорить обо всей Украине, то на протяжении советской истории взаимодействия между русскими и центральноукраинским типом продолжали оставаться консолидированными, т.к. этносы не конкурировали, но скорее взаимодополняли друг друга в разных сферах деятельности. Даже участие граждан Украины в ВОВ не подвергает подобный вывод ни малейшему сомнению. Украинцы, сотрудничавшие во время оккупации с нацистами, составляли ничтожный процент сравнительно с 5 миллионами граждан республики, отважно воевавшими в Советской армии против врага.

Русские в современной России. После распада СССР Россия стала моноэтничной, гомогенной в культурном плане страной, если учитывать критерии ООН (доля русских здесь равна 81%). Однако русские люди не часто вспоминают этот факт, считая, что полиэтнический состав граждан в стране сохраняется. Такая точка зрения позволяет сделать вывод: они не рассматривают свое государство с узконационалистических позиций.

Испытания 90-х гг. XX в. оказались столь неожиданными, катастрофичными, что у многих русских людей не хватило здравого смысла и физических сил им противостоять; русский мир в это десятилетие переживает демографическую катастрофу «русского креста» — сверхсмертности [Башлачев 2011; Гундаров 2001]. Будучи духовно дезориентированными, немало русских поверили команде либерал-реформаторов, что необходимо принять «общечеловеческие ценности», изменить мировоззрение, отказаться от поиска собственного пути развития, идти в русле американской и западноевропейской политики. Конфликт традиционных и новых ценностей в самосознании конкретных людей оборачивался деформацией их психологии и воли.

Однако русские быстро преодолевают шоковое состояние и духовный срыв. Уже в нулевые годы становятся очевидными конструктивные сдвиги как в русской демографии, так и на уровне их самопознания, массового поведения. Так, общественное сознание русских стремительно освобождается от веры в прогресс западной цивилизации. Одновременно возрождается потребность русских в самоуважении, у них воссоздается чувство национального достоинства и культурной идентичности, без чего они не смогли бы сохранить государство и себя как единое целое. Отсюда беспрецедентный запрос русских на подлинное знание своей истории, этногенеза, своеобразия своей культуры и т.п.

Новый жизненный опыт меняет социальное поведение активных русских слоев. Они освобождаются от наносных и зачастую разрушительных черт советского уклада жизни: вместо расслабляющего патернализма со стороны начальства они ждут от государственной власти реальных условий, позволяющих осуществлять хозяйственную активность, выработать более справедливые социальные отношения и т.п. Отказываясь от атеизма, многие русские пытаются восстановить в своей жизни традиционно православные ценности. Родительская общественность выступает против внедрения в школу сомнительных новых предметов, связанных с половым воспитанием, с разрушением традиционных моральных ценностей. В целом русская среда осмысленно отторгает неолиберальные ценности, чуждые социальные практики (потребительство, идеи гендерной революции, законодательные новшества ювенальной юстиции и др.).

Как пример трансформации массового поведения русских, укажем на феномен

общинного движения, который стал для многих аналитиков неожиданным, что порождает дискуссии [Аванесова 2014: 136-141]. Речь идет о русской среде, ибо в других этнических сообществах жизненные проблемы чаще решаются на уровне семейно-родственных и клановых связей. В широком распространении общинных форм следует видеть ответ русских на проблемы, встающие в их повседневной жизни. Эти формы взаимодействия охватывают разные виды деятельности, начиная с церковноприходской активности или работы малых бизнес-коллективов и кончая соседскими взаимодействиями в городских кварталах или общественными инициативами молодежи. При этом общинные связи восстанавливаются не в сугубо архаических формах, а в сочетании с инновациями, что обусловливалось ритмом современной жизни, информационными технологиями. Так, специфические виды общинных отношений зарождаются в тех группах, которые всецело принадлежат эпохе Постмодерна, – среди футбольных фанатов, байкеров, хакеров и др. Согласно социологическим исследованиям, русское общественное и отчасти массовое сознание последнего десятилетия выступает более консолидированным по общественным проблемам и мировоззренческим вопросам, нежели сознание политической элиты, олигархической среды, узких групп интеллигенции [О чем мечтают... 2013]. В этой тенденции нетрудно усмотреть высокий жизненный потенциал русского этногенеза и адаптивность к переменам русской психики, самосознания.

В то же время ведущие политики и государственные деятели России вплоть до 10-х гг. нового столетия не могли определиться со стратегией и целями развития страны, с высшими ценностями государственного строительства. Мировой кризис, обострение борьбы на международной арене, события на Кавказе, в Украине заставили российскую власть сделать выбор. Решающим шагом в этом направлении стал конституционный закон о принятии в состав РФ Крыма (2014 г.), основанием для чего послужили результаты референдума жителей полуострова по этому вопросу. Еще одной позицией, консолидирующей государственную власть и русскую среду, следует признать политическую поддержку права граждан юго-востока Украины на выбор своего дальнейшего развития, а также оказание помощи украинским беженцам из районов военных действий.

Украинское государство: от этнографических мифов к радикальному национализму. Распад СССР позволил автоматически реализовать украинскую мечту о своей государственности. Вначале препятствием нациестроительства в Украине было многообразие представлений о том, какие стратегии, цели и принципы следует заложить в государственное строительство. Первоначальной формой идеологии стал выработанный в недрах постсоветской государственной элиты и регионального руководства на юго-востоке украинский национализм этнографического толка – с откровенной мифологией, произвольным обращением с историческими фактами, с демонстративной воинственностью по отношению к России и русским [Кучма 2003]. Но эта идеология еще сохраняла остатки представлений о равноправии и дружбе украинцев с другими этносами внутри страны. Так, русский язык мог оставаться государственным наравне с украинским в русскоговорящих регионах.

По-видимому, тогда еще оставались возможности развивать в обновленном виде накопленный опыт конструктивного межэтнического взаимодействия имперского и советского периодов. Но политическая элита РФ заняла по отношению к Украине отстраненную позицию, а пророссийский вектор государственного развития не устраивал украинских радикалов, нарождающуюся олигархическую прослойку, а также антироссийские зарубежные центры, которые диктовали властям в Киеве иные цели. В этих условиях украинская государственность необратимо дрейфует к радикальному национализму западноукраинского типа, а затем в нем растворяется. Упорные попытки заложить радикал-национализм в государственное строительство следует расценить как незрелость политического класса Украины. Силы, осуществляющие высшую власть в стране, игнорируют закономерности этногенетического развития населения, желая обойти сложную природу этих процессов и форсируя свои политические намерения. Общеизвестно,

что совместное проживание разных субэтнических сообществ исторически было в Украине слишком кратковременным, чтобы завершиться их культурно-гражданским единством в новых обстоятельствах. Вместо того чтобы сбалансировать полярные силы общества, нейтрализовать опасности и риски, угрожавшие молодому государству, власти Украины предпринимают противоположные шаги, обостряя ситуацию.

Радикальную националистическую идеологию первоначально поддерживали те общественные силы, которые концентрируются в Прикарпатье; затем ее принимают более широкие круги активных граждан в разных регионах. Так, в «оранжевом движении» и на киевском Майдане было много представителей центральноукраинского подтипа, а также немало русских молодых людей, продолжающих говорить и думать на родном языке. В данном случае авторы не имеют возможности подробнее рассмотреть парадокс, когда русские люди, сохраняющие родной язык и черты родной культуры, интегрируются в среду украинских радикал-националистов, объявивших русский народ своим основным противником. Скажем лишь, что и у правых сил таких парадоксов немало. Например, русскоязычие в СМИ и русский печатный текст вполне уживаются с русофобией. Набиралось немало наивных граждан, искренне верящих, что движение способно убрать вороватых политиков, добившись прихода к власти патриотов. Серьезную массу составляли люди, поддержавшие движение по психологическим и личным мотивам, не задумываясь о политике; значительная их часть принуждена была мимикрировать в сложных политических обстоятельствах.

Сторонники украинского национализма демонстрируют психологические и поведенческие нормы, которые не раз проявлялись в украинской среде в периоды политического хаоса: демагогию, применение силовых методов по отношению к обычным жителям, скандалы, унижающие достоинство оппонентов, уход от гражданской и моральной ответственности и др. Но этот национализм ныне проявляет и новые черты. Так, убежденные радикалы представляют единство тех позиций, которые до этого в Европе оставались по разные стороны баррикад: либералы, приверженцы западной демократии, с одной стороны, националисты, нацисты бандеровского толка — с другой. В «оранжевом движении», на Майдане эти политико-семантические альтернативы были накрепко спаяны русофобией. Впрочем, такой расклад позиций характерен для многих элит постсоветских государств, возникших в пограничье между РФ и Западом.

Националистическая воинственность и страх перед Россией во многом подпитываются массовым желанием неискушенных граждан быстро получить жизненные преимущества от «свободной и сильной Украины». По существу, искаженный образ того, как следует жить и вести себя «настоящему украинцу», в душах людей остается симулякром, имеющим отдаленное отношение к патриотизму, к государственному развитию. Этот симулякр наспех сконструирован пропагандой и самим человеком. Подлинный «образ себя» гражданами еще не выстрадан, коллективно не осмыслен, не прошел испытание жизнью.

Первым серьезным испытанием такого национализма стала «антитеррористическая операция», которую киевские власти стали проводить на юго-востоке страны в 2014 г. Далеко не блестящие результаты этой операции заставили многих украинцев глубоко задуматься. Обескураженная реакция и «когнитивный диссонанс» их сознания выражалась в нежелании идти воевать против мятежного Юго-Востока. Даже среди убежденных националистов далеко не все поспешили защищать свои убеждения на передовой. Официальные лица Украины вынуждены признать в начале 2015 г., что новая волна мобилизации проходила повсюду тяжело. Выяснялось, что и в западных районах, считавшихся оплотом «украинства», 50–60% военнообязанных не являлись по повесткам, а 40% — срочно выезжали на заработки за границу, включая Россию¹.

Русская реакция на радикальный украинский национализм. Русская часть украинского населения длительное время не проявляла в явных формах свои политиче-

¹ Полубота А. В бой идут одни пацаны. За киевский режим не готовы воевать даже «западенцы». Доступ: <http://svpressa.ru/war21/article/111217> (проверено 28.01.2015).

ские позиции. Да и сейчас многие сторонники равноправного развития украинцев и русских в едином государстве затаились, не демонстрируя своих убеждений. Однако наиболее активная часть русских людей из юго-восточных регионов отказались от пассивности из-за драматических процессов рубежа 2013–14 гг., когда легитимная власть Украины была низложена, а сами они превратились в объект националистической истерии. Протестное поведение, а затем и военное сопротивление русских людей в публицистике было условно названо «южнорусским» или «донбасским» национализмом. Развивавшийся как местный патриотизм в рамках имперского, а затем советского периода, этот национальный поворот русского самосознания заявил о себе в Украине достаточно пассионарно. В нем нет сходства с классическим западным национализмом, скорее это обновленная форма русско-православного национализма с цивилизационным акцентом, заявившего о себе еще в условиях распада державно-имперского организма.

Ополченцы Новороссии (Луганская и Донбасская обл.) не преувеличивают кровно-почвеннические корни своих позиций и тем самым резко противостоят украинскому национализму. В ополчении Юго-Востока принимаются при общем понимании целей борьбы представители разных народов, сторонники разных конфессий. Главное в том, что ополченцы не смирились с откровенным насилием по отношению к слабым, с физическим уничтожением тех, что готов духовно отстаивать свои убеждения. Их поведение связано не столько с необходимостью выживания русских, сколько с сохранением у человека гражданского достоинства, с их осознанным сопротивлением социал-дарвинистской агрессии киевской власти и поведению радикал-националистов по отношению к инакомыслящим. Все это свидетельствует о том, что раскол украинского населения идет не только по этническим признакам — он делит любой этнос по мировоззренческим, политическим, моральным позициям.

Некоторые обобщения. Советский период истории во многом продолжил вектор имперского периода по сближению нациогенеза русских и украинцев с реалиями современного мирового развития. Русские смогли создать уникальный имперский организм, ставший локальной цивилизацией; затем они выработали практическую модель реального социализма, противопоставив ее паразитарной модели либерального капитализма, преодолев тем самым утопическую догматику марксистского проекта. В этих масштабных процессах малороссы/украинцы активно и равноправно сотрудничали с русскими. Их длительное и успешное взаимодействие в рамках государственности державного типа невозможно вычеркнуть из мировой истории; оно пошло на пользу и тому и другому этносу, приобщиив украинцев к опыту государственного строительства.

Постсоветский период стал серьезным испытанием как для российской государственности, так и для суверенной Украины. Русский народ, пережив после распада СССР духовную дезориентацию, все же быстро обрел устойчивую культурную почву, обозначил возврат к собственной цивилизации. Ныне русский нациогенез развивается параллельно с поисками адекватных форм государственного и духовного развития русских в условиях глобального мира.

Более сложная ситуация с нациогенезом складывается в суверенной Украине. Украинцы как этнос, безусловно, сложились и останутся в этом качестве на ближайшую перспективу. Однако население постсоветской Украины не обрело черт политической нации. В нынешнем составе, а также в состоянии ожесточенного конфликта друг с другом они вряд ли имеют шансы ею стать. Если говорить о представителях центральноукраинского типа, то их право обрести свою государственность ни у кого не должно вызывать осуждения, противодействия. Однако их затяжная и бесосновательная вражда к русскому миру, к России, их желание быстро переместиться в новое цивилизационное пространство объективно не сулят им не только мирной этнодинамики, но скорее всего и сносного существования. Попытка же русских людей Новороссии сохранить свои культурные корни, менталитет и государственные традиции могут выразиться в более смелом и эффективном синтезе имперско-советского опыта развития с современными вызовами, нежели это имеет место в постсоветской России.

Список литературы

Аванесова Г.А. 2014. Семантика отечественной культуры в рамках государственной культурной политики и в практике самоорганизации населения России. — *Россия в современной международной системе координат: новые вызовы и возможности*. Сборник статей Международной научно-практической конференции МИГСУ РАНХиГС (под общ. ред. В.В. Комлевой). М. 368 с.

Башлачев В.А. 2011. *Правда жизни в зеркале русской демографии*. М.: Традиция. 60 с.

Гундаров И.А. 2001. *Демографическая катастрофа в России: причины, механизм и пути преодоления*. М.: Эдиториал УРСС. 208 с.

Кучма Л. 2003. *Украина — не Россия*. М.: Время. 560 с.

О чем мечтают россияне: идеал и реальность (под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой). 2013. М.: Весь Мир. 400 с.

Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России. Институт этнологии и антропологии РАН (авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева). 1998. М.: Изд-во ИС РАН. 385 с.

AVANESOVA Galina Alekseevna, Dr.Sci.(Philos.), Professor of the Chair of History, Philosophy, Cultural Studies, Moscow State University for the Humanities named after M.A. Sholokhov (Verhnjaja Radishhevskaja st., 16/18, Moscow, Russia, 109004; gal-09@list.ru)

IVANOVA Elena Viktorovna, Cand.Sci.(Philos.), Associate Professor, Doctoral Candidate in the National Institute of Business (Yunosti st., 5/1, Moscow, Russia, 111395; quttatim@mail.ru)

NATIONAL GENESIS OF THE RUSSIANS AND THE UKRAINIANS AS FACTORS OF DEVELOPMENT OF DIFFERENT TYPES OF STATEHOOD IN THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Abstract. The article focuses on the comparative analysis of the features of national genesis of the Ukrainians and the Russians during the Soviet period and in contemporary Russia and Ukraine. The authors compared the participation of these ethnic groups in the development of the Soviet state, and of the Russian and Ukrainian statehood in the later period. Authors argue that during the Soviet period as Russian so Ukrainian ethnic groups were consolidated being complementary to each other in various spheres. After the collapse of the Soviet Union these nations have started the independent nation-building. So, the desire of the Crimea's inhabitants to be included into Russia as well as the choice of the citizens of the Ukrainian south-east regions to have the autonomous national development were supported by Russians. At the same time modern Ukrainian state is experiencing problems during the process of independent existence, that are determined by the fact that the Ukrainians are developed as an ethnic group, but have not comprised the political nation. The authors consider the factors that threaten the existence of the Ukrainian state and the formation of a political nation in Ukraine.

Keywords: national genesis of Ukrainians and Russians in the USSR, Russia, sovereign Ukraine, sub-ethnic mosaic in Ukraine, radical Ukrainian nationalism, Novorossiya, Russian-Orthodox nationalism in the south-eastern regions of Ukraine
